

Научная статья
УДК 343.101
EDN DDIBSP
DOI 10.17150/2411-6122.2025.3.77-84

Как возник существующий порядок начала досудебного производства по уголовному делу? (версия профессора С.Б. Россинского)

С.Б. Россинский

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация, s.rossinskiy@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена выдвиганию историко-правовых версий о возникновении предусмотренного действующим уголовно-процессуальным законом порядка начала досудебного производства по уголовному делу. Причины его появления связываются с намерениями советских ученых-процессуалистов обеспечить подлинную легитимность предварительного расследования в условиях сформировавшейся к тому времени самобытной системы национальной уголовной юстиции, предполагающей наделение внесудебных правоохранительных органов юрисдикционной правосубъектностью. Высказывается гипотеза, что именно в этой связи были спроектированы обремененные дополнительными правовыми гарантиями «страховочные» механизмы, позволяющие посредством усиленной формализации следственной и, в особенности, дознавательской деятельности обеспечить большую доброкачественность ожидаемых результатов, в том числе и существующий порядок начала предварительного расследования, состоящий в стадии возбуждения уголовного дела.

В результате формулируется вывод о неприемлемости ликвидации существующего порядка начала досудебного производства по уголовному делу вне системного единства с другими преобразованиями российского уголовного процесса в целом, и предварительного расследования в частности, без четкого и ясного понимания направлений и перспектив затеваемых реформ.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, досудебное производство, начало досудебного производства, полномочия дознавателя, полномочия следователя, проверка сообщения о преступлении, рассмотрение сообщения о преступлении.

Для цитирования: Россинский С.Б. Как возник существующий порядок начала досудебного производства по уголовному делу? (версия профессора С.Б. Россинского) / С.Б. Россинский. — DOI 10.17150/2411-6122.2025.3.77-84. — EDN DDIBSP // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2025. — № 3. — С. 77–84.

Original article

How Did the Current Procedure for Initiating Pre-Trial Proceedings in a Criminal Case Originate? (Professor S.B. Rossinskiy's Version)

S.B. Rossinskiy

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, the Russian Federation, s.rossinskiy@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the advancement of historical and legal versions of the origin of the procedure for initiating pre-trial proceedings in a criminal case, which is provided for by the current criminal procedure law. The reasons

for its emergence are associated with the intentions of Soviet procedural scientists to ensure the genuine legitimacy of the preliminary investigation in the context of the original system of national criminal justice that had been developed by that time, which involved vesting extra-judicial law enforcement agencies with jurisdictional powers. It is hypothesized that it was in this connection that the "safety" mechanisms were designed, which were burdened with additional legal guarantees. These mechanisms made it possible to ensure a higher legality of the expected results through the enhanced formalization of investigative and inquiry activities. One of them was the existing procedure for starting a preliminary investigation through the stage of initiating a criminal case.

As a result, a conclusion is formulated on the unacceptability of abolishing the existing procedure for initiating pre-trial proceedings in a criminal case outside of a systemic unity with other reforms of the Russian criminal process in general, and preliminary investigation in particular, without a clear and precise understanding of the directions and prospects of the initiated reforms.

Keywords: initiation of a criminal case, pre-trial proceedings, initiation of pre-trial proceedings, powers of the inquirer, powers of the investigator, verification of a crime report, examination of a crime report.

For citation: Rossinskiy S.B. How Did the Current Procedure for Initiating Pre-Trial Proceedings in a Criminal Case Originate? (Professor S.B. Rossinskiy's Version). *Sibirskie Ugolovno-Processual'nye i Kriminalisticheskie Chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2025, no 3, pp. 77–84. (In Russian). EDN: DDIBSP. DOI: 10.17150/2411-6122.2025.3.77-84.

Предусмотренный российским уголовно-процессуальным законодательством порядок начала досудебного производства воплощен в стадию возбуждения уголовного дела — особую форму практической деятельности органов дознания или предварительного следствия. Она сводится к попыткам выявления условий и предпосылок для начала (как бы «открытия») нового досудебного производства, для возникновения и дальнейшего развития процессуальных отношений, составляющих содержание следующей по порядку стадии — предварительного расследования. А ее основная цель заключается в разрешении юридической дилеммы о надобности либо ненадобности осуществления публичного уголовного преследования в отношении установленного либо еще неустановленного лица (вариативно — двух или более лиц). Лишь в случае «положительного» ответа на данный вопрос и официального объявления о начале ре-

ализации соответствующих намерений в постановлении о возбуждении уголовного дела — ввиду выявления признаков преступления — сотрудникам органов дознания и предварительного следствия становится дозволено использовать весь предусмотренный законом арсенал процессуальных полномочий, требуемых для изобличения потенциального обвиняемого (потенциальных обвиняемых) в совершении инкриминируемого деяния (инкриминируемых деяний). Так, после возбуждения уголовного дела появляются правовые возможности производства допросов, очных ставок, предъявлений для опознания, обысков, осуществления других когнитивных приемов, способствующих полному, всестороннему и объективному установлению обстоятельств случившегося, формированию необходимой для обоснования позиции обвинения доказательственной базы; одновременно возникают условия для применения мер пресечения, иных правоограничитель-

ных мер, для использования предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом РФ (далее — УПК РФ) правообеспечительных механизмов и пр.

Ввиду прелиминарности стадии возбуждения уголовного дела, ее пребывания как бы в «предпроцессуальном» пространстве — до официального объявления о начале досудебного производства посредством соответствующего постановления — деятельности органов предварительного расследования по рассмотрению и разрешению сообщений о преступлениях присущи достаточно существенные противоречия, в течении многих лет оказывающие негативное влияние на правоприменительную практику [1, с. 85–86; 2, с. 130]. В частности, увеличиваются объемы уголовных дел, процессуальные сроки; возрастает и служебная нагрузка. Кроме того, нередко наблюдается обесценивание процессуальной формы и выхолащивание подлинной роли процессуальных доказательств, то есть не просто полезных сведений, а познавательных ресурсов, накопленных в строго установленном законом порядке с учетом существующих правовых гарантий их доброкачественности, главным образом юридической пригодности для обоснования приговоров, постановлений о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительных актов либо иных ответственных решений. Такие недостатки хорошо заметны на примерах проводимых следователями и дознавателями допросов потерпевших и свидетелей в случаях предварительного получения от них «доследственных» объяснений в отношении тех же самых обстоятельств [3, с. 53]. Ведь именно добытые «по горячим следам» объяснения (а не сформированные в дальнейшем показания!) предрасположены к наиболее точному и детальному от-

ражению случившегося, в том числе к доскональной вербальной реконструкции обстановки места происшествия, внешности и других идентификационных признаков предполагаемого преступника, его конкретных действий (бездействия), поведения присутствующих лиц, иных имеющих значение для уголовного дела подробностей. Тогда как формируемые посредством проводимых по прошествии определенного времени допросов свидетельские показания (показания потерпевших) ввиду понятных психофизиологических причин обычно уже не могут характеризоваться столь высокой точностью и беспробельностью. Поэтому нередко возникают соблазны использования явно недопустимой прикладной технологии, состоящей в фактической подмене полноценного допроса банальным переписыванием в протокол содержания ранее полученных от данного лица «доследственных» объяснений. А в связи с повсеместной компьютеризацией правоприменительной практики и появлением технических возможностей изготовления основной массы процессуальных документов с помощью известных текстово-редакторских программ подобные соблазны только усилились — реализация таких недобросовестных намерений на сегодняшний день сводится лишь к злоупотреблению примитивным компьютерным алгоритмом «copy → paste» («копировать → вставить»).

Однако наибольшие проблемы все же возникают в работе с добытыми до возбуждения уголовного дела, но при этом не предрасположенными к многократному получению сведениями об обнаружении и изъятии имеющих значение для доказывания предметов или документов. Например, найденные и реквизированные в ходе «доследствен-

ного» досмотра орудия совершения преступления, похищенные вещи и т.п. не могут быть повторно найдены и реквизированы посредством обыска в жилище подозреваемого, отысканные и изъятые во время фактического задержания лица наркотики, оружие, взрывные устройства, взрывчатые вещества не подлежат повторному отысканию и изъятию в ходе личного обыска, сопутствующего составлению дознавателем или следователем протокола задержания, и т.д., если, конечно, не постараться, грубо нарушив закон, вернуть нечто обнаруженное на прежнее место, то есть как бы «запихнуть его назад». В этой связи в правоприменительной практике давно изобретены хорошо известные «обходные пути», вроде бы как позволяющие создать иллюзию соблюдения закона, а фактически предполагающие игнорирование принципиально не подлежащих выполнению (!) предписаний. Они состоят в позиционировании материалов непроцессуальных мероприятий — всевозможных протоколов досмотров, добровольных выдач, актов изъятий, истребований, приемов-передач и тому подобных документов — в качестве полноценных средств уголовно-процессуального доказывания, предусмотренных ст. 84 УПК РФ («Иные документы»). Кроме того, в случаях возбуждения уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности нередко встречаются «маскировочные» подмены полноценных обысков осмотрами мест происшествий, осуществляемых во время задержаний взяточдателей (взяточполучателей, посредников и т.п.) с поличным.

Поэтому неудивительно, что собственные рассмотрению сообщений о преступлениях столь серьезные противоречия и вызываемые ими, никак не поддающиеся преодолению практиче-

ские трудности, недостатки, шероховатостями — объекты постоянной критики и скептических оценок. Уже не первый год в среде специалистов: парламентариев, общественных деятелей, представителей прокуратуры, органов предварительного расследования, адвокатуры, и, конечно, ученых-процессуалистов — обсуждаются вопросы и ведутся достаточно ожесточенные споры и дискуссии о перспективах дальнейшего сохранения действующего порядка начала досудебного производства, по крайней мере в существующем виде. Высказываются самые разные позиции [4, с. 55; 5, с. 80–83; 6, с. 50–51; 7, с. 210]. Однако чаще всего раздаются призывы к полному упразднению стадии возбуждения уголовного дела [8, с. 58; 9, с. 12; 10, с. 227], в том числе по примеру ряда стремящихся к «европеизации» досудебного производства постсоветских государств. Причем, в первую очередь, такие позиции свойственны специалистам, стремящимся к отстаиванию «корпоративных» интересов органов предварительного расследования. Ведь для дознавателей, следователей и их руководителей эти перспективы весьма привлекательны избавлением от части обременительных формальностей, сокращением служебной нагрузки, устранением потребностей в преодолении множества практических затруднений, освобождением от гнета прокурорского надзора за законностью и обоснованностью принимаемых по результатам рассмотрения сообщений о преступлениях решений.

Однако, согласиться с подобными, к слову достаточно тенденциозными, мнениями все же нельзя. Ведь замыслы «отцов-основателей» некогда введенной в сферу уголовно-процессуального регулирования стадии возбуждения уголовного — члена-корреспондента Академии наук СССР М.С. Строговича

и других крупнейших советских специалистов в области уголовной юстиции — по всей вероятности, были далеко не такими беспочвенными, какими могут показаться на первый взгляд. Тем более, они вряд ли являлись воплощением правотворческого voluntarизма, предопределялись стремлениями к созданию бессмысленных помех для продуктивности дознавательской и следственной практики [11, с. 168–170]. Напротив, эти замыслы, скорее всего, обуславливались намерениями обеспечить подлинную легитимность предварительного расследования в условиях сформировавшейся к тому времени самобытной системы советского досудебного производства по уголовному делу, предполагающей наделение внесудебных правоохранительных органов юрисдикционной правосубъектностью, обычно свойственной исключительно судам или специальным судебно-следственным чиновникам. Разумеется, авторы-разработчики послевоенного уголовно-процессуального законодательства, в том числе Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. (далее — УПК РСФСР) отчетливо понимали (просто не могли не понимать!) «слабые звенья» подобной системы, в первую очередь рискованность внесудебного формирования полноценных доказательств, изначально равных по юридической силе доказательствам, получаемым в судебном заседании. И, конечно, прежде всего, не могли быть оставлены без внимания весьма распространенные ситуации, связанные с проведением так называемых «неполнообъемных» дознаний (в современной терминологии — неотложных следственных действий) должностными лицами, ранее принимавшими участие в выявлении и раскрытии соответствующих преступлений, например,

сотрудниками уголовного розыска, подразделений БХСС, участковыми инспекторами милиции и т.д.

Очевидно, что именно в этой связи и были спроектированы обремененные дополнительными правовыми гарантиями «страховочные» механизмы, позволяющие посредством усиленной формализации следственной и, в особенности, дознавательской деятельности обеспечить большую доброкачественность ожидаемых результатов — одним из них стала стадия возбуждения уголовного дела. Ее резонность, вне сомнений, была усмотрена в прелиминарной фильтрации [12, с. 28] всего множества поступающих сообщений о неких выходящих за рамки обыденности обстоятельствах, то есть в первоначальном отборе потенциально предрасположенных к попаданию в сферу уголовного судопроизводства деяний. А условия подобного отбора, как известно, было решено связать с первичным распознаванием в объективной реальности признаков преступления, с более или менее четким уразумением обоснованности и перспективности предполагаемого уголовного преследования — только в этих случаях органы дознания или предварительного следствия стали наделяться всей полнотой юрисдикционной правосубъектности, всем спектром соответствующих властных полномочий. Образно говоря, рассмотрением (проверкам) сообщений о преступлениях фактически была уготована роль своеобразных пробных испытаний, осуществляемых в целях осознания возможностей проведения основных изысканий посредством не вполне «безопасных» методов. А следить от имени общества и государства за надежностью результатов таких испытаний, то есть выполнять роль проверяющих «контролеров» было вполне ожидаемо поручено про-

курорам — именно им в соответствии со ст. 116 УПК РСФСР стало предписано надзирать за законностью стадии возбуждения уголовного дела, в том числе отменять выносимые по ее итогам неправомерные решения.

Нетрудно заметить, что эти же, некогда внедренные в советский уголовный процесс идеи сполна отразились и в действующем УПК РФ. Правда, судить об осознанности или банальной инерционности подобного правотворческого решения в настоящее время достаточно сложно. Но тем не менее ясно одно: стадия возбуждения уголовного дела по-прежнему остается важным «страховочным» механизмом, способствующим обеспечению легитимности предварительного расследования в условиях сохранившейся (так никуда и не девшейся!) советской системы досудебного производства, предполагающей наделение юрисдикционной правосубъектностью внесудебных правоохранительных органов. Более того, в УПК РФ включены даже новые гарантии правомерности возбуждений и отказов в возбуждении уголовных дел — помимо традиционного прокурорского надзора эти вопросы попали в орбиту уже доказавшего свою эффективность судебного контроля за законностью дознавательской и следственной практики.

И, таким образом, можно с уверенностью предположить, что в случае желаемой многими специалистами ликвидации стадии возбуждения уголовного дела вновь проявятся несколько подзабытые, но никоим образом не изжитые, а лишь отодвинутые на задний план «слабые звенья» советской системы досудебного производства. По крайней мере никаких альтернативных способов их нивелирования на сегодняшний день не предлагается! А ввиду либерализации правопорядка, усиления кримино-

генности общества и прочих присущих современной России факторов подобные «слабые звенья» предрасположены к более опасным по сравнению с советским периодом формам и воплощениям — вполне предсказуемы серьезные проблемы, которые уже наблюдаются в отмахнувшихся от механизмов возбуждения уголовного дела постсоветских государствах. И прежде всего, актуализируются вопросы внесудебного формирования полноценных, изначально пригодных к использованию для обоснования приговоров (иных правоприменительных актов) средств доказывания. Причем в силу predetermined ч. 2 ст. 50 Конституции РФ повышенных требований к допустимости доказательств эти проблемы станут гораздо более заметными. Кроме того, лишившись права на отказ в возбуждении уголовного дела, органы предварительного расследования, столкнутся с потребностью в безусловном принятии к производству огромного, превышающего разумные пределы, количества как бы уже «возбужденных» материалов о преступлениях, — намного превосходящего советские «цифры», и т.д.

И таким образом, ликвидация стадии возбуждения уголовного дела вне системного единства с другими преобразованиями российского уголовного процесса в целом, и предварительного расследования в частности, без четкого и ясного понимания направлений и перспектив затеваемых реформ является абсолютно неприемлемой. Нужны ли в настоящее время подобные преобразования? Думается, что да! Ведь существующий, то есть «советский» порядок начала досудебного производства, несмотря на все попытки модернизации, и в самом деле уже давно перестал соответствовать сильно изменившимся условиям развития российского обще-

ства и неразрывно связанным с ними потребностям правоприменительной практики. К тому же у автора настоящей статьи есть четкие представления о характере и содержании правотворческих шагов, требуемых для преодоления нормативных шероховатостей и практических недостатков, присущих

предусмотренному действующим законом механизму рассмотрения сообщений о преступлениях. Хотя в силу ограниченного объема статьи их подробное рассмотрение в данный момент невозможно — этим вопросам планируется уделить внимание в последующих работах.

Список использованной литературы

1. Григорьев В.Н. Возбуждение уголовного дела: старые проблемы, современные материалы, разные варианты решений / В.Н. Григорьев, Е.А. Прохорова. — EDN VQZLFV // Вопросы правоведения. — 2015. — № 5 (33). — С. 83–142.
2. Калачева А.В. Орган дознания: обособленное подразделение государственного аппарата или уголовно-процессуальный статус? / А.В. Калачева. — EDN RUSIMQ // Судебная власть и уголовный процесс. — 2023. — № 1. — С. 127–133.
3. Виноградов А.С. Получение объяснений в уголовном судопроизводстве: проблемы доказательственного значения / А.С. Виноградов. — DOI 10.26163/GIEF.2019.32.89.007. — EDN GXHILE // Журнал правовых и экономических исследований. — 2019. — № 2. — С. 52–56.
4. Быков В.М. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела / В.М. Быков. — EDN OOTULB // Журнал российского права. — 2006. — № 7. — С. 53–67.
5. Волеводз А.Г. Упразднение стадии возбуждения уголовного дела: цена вопроса / А.Г. Волеводз. — EDN QAJMQT // Уголовный процесс. — 2014. — № 1. — С. 80–83.
6. Филин Д.В. Возбуждение уголовного дела: традиции и современное состояние / Д.В. Филин. — EDN TLPUPU // Судебная власть и уголовный процесс. — 2014. — № 3. — С. 200–211.
7. Шадрин В.С. Судьба стадии возбуждения уголовного дела / В.С. Шадрин. — EDN THQHVT // Законность. — 2015. — № 1. — С. 47–51.
8. Кругликов А.П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? / А.П. Кругликов. — EDN OBRWSH // Российская юстиция. — 2011. — № 6. — С. 56–59.
9. Гаврилов Б.Я. XX лет российскому уголовно процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя / Б.Я. Гаврилов. — EDN XUIBWU // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2021. — № 6. — С. 7–14.
10. Баранов А.М. Возбуждение уголовного дела: традиция и современность / А.М. Баранов. — DOI 10.24412/1999-625X-2022-386-224-229. — EDN PCSMVS // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2022. — Т. 28, № 3 (86). — С. 224–229.
11. Стойко Н.Г. Возбуждение уголовного дела: замысел законодателя и его реализация / Н.Г. Стойко. — EDN RWJYNJ // Библиотека криминалиста. — 2014. — № 1 (12). — С. 168–173.
12. Манова Н.С. Проблемы правовой регламентации и практики осуществления деятельности в стадии возбуждения уголовного дела / Н.С. Манова. — EDN SAHQRV // Право. Законодательство. Личность. — 2013. — № 1 (16). — С. 24–30.

References

1. Grigor'ev V.N., Prokhorova E.A. Initiating a Criminal Case: Old Problems, Modern Materials, Different Solution Scenarios. *Voprosy pravovedeniya = Issues of Jurisprudence*, 2015, no. 5, pp. 83–142. (In Russian). EDN: VQZLFV.
2. Kalacheva A.V. Body of Inquiry: a Separate Division of the State Apparatus or Criminal Proceeding Status? *Sudebnaya vlast' i ugovolnyi protsess = Judicial Authority and Criminal Process*, 2023, no. 1, pp. 127–133. (In Russian). EDN: RUSIMQ.
3. Vinogradov A.S. Getting Explanations in Criminal Proceedings: Problems of Interpreting them as Evidence. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy = Journal of Legal and Economic Studies*, 2019, no. 2, pp. 52–56. (In Russian).

4. Bykov V.M. Problems of the Stage of Initiation of a Criminal Case. *Zhurnal rossiyskogo prava = Russian Law Journal*, 2006, no. 7, pp. 53–67. (In Russian). EDN: OOTULB.
5. Volevodz A.G. Abolition Stage of Criminal Case: the Issue Price. *Ugolovnyi protsess = Criminal Procedure*, 2014, no. 1, pp. 80–83. (In Russian). EDN: QAJMQT.
6. Filin D.V. Initiation of a Criminal Case: Traditions and Modern State. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyi protsess = Judicial Authority and Criminal Process*, 2014, no. 3, pp. 200–211. (In Russian). EDN: TLPUPU.
7. Shadrin V.S. The Destiny of the Stage of Instigation of a Criminal Case. *Zakonnost' = Legality*, 2015, no. 1, pp. 47–51. (In Russian). EDN: THQHVT.
8. Kruglikov A.P. Is the Stage of Initiation of a Criminal Case Necessary in the Modern Criminal Process in Russia. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2011, no. 6, pp. 56–59. (In Russian). EDN: OBRWSH.
9. Gavrilov B.Ya. XX Years of the Russian Criminal Procedure Law: Whether it Meets the Scientific Views and Requirements of the Law Enforcement Officer. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Law of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2021, no. 6, pp. 7–14. (In Russian). EDN: XUIBWU.
10. Baranov A.M. Initiating a Criminal Case: Tradition and Modernity. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*, 2022, vol. 28, no. 3, pp. 224–229. (In Russian). EDN: PCSMVS. DOI: 10.24412/1999-625X-2022-386-224-229.
11. Stoyko N.G. Initiation of a Criminal Case: the Intent of the Legislator and its Implementation. *Biblioteka kriminalista = Library of a Criminalist*, 2014, no. 1, pp. 168–173. (In Russian). EDN: RWJYNJ.
12. Manova N.S. Problems of Legal Regulation and Practice Activities under Criminal Case. *Pravo. Zakonodatel'stvo. Lichnost' = Law Legislation Person*, 2013, no. 1, pp. 24–30. (In Russian). EDN: SAHQRV.

Информация об авторе

Россинский Сергей Борисович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, сектор уголовного права, уголовного процесса и криминологии, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация.

Author Information

Rossinskiy, Sergey B. — Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, the Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 05.09.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 12.09.2025

Принята к публикации / Accepted 19.09.2025

Дата онлайн-размещения / Available online 16.10.2025